

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая.....	3
Глава вторая.....	31
Глава третья.....	67
Глава четвертая.....	99
Глава пятая.....	132
Глава шестая.....	161
Глава седьмая.....	186
Глава восьмая.....	220
Глава девятая.....	250
Глава десятая.....	276
Эпилог.....	305

Глава первая

— Кефир, фу!

Кто бы меня слушал... Да я сама себя не слышала! В ушах стоял какой-то дурацкий звон, ноги подгибались, сердце колотилось. А в голове только одна идиотская и неуместная мысль: «Да, я не Гай Юлий Цезарь!» Потому что он-то бы мог всё это вынести. Ну, то есть делать сразу несколько дел одновременно этот дядя умел. А я... А что я? Ну, попробуйте не уронить из рук таз с только что постиранным бельём, удерживать другой рукой рвущегося в бой мейн-куна и при этом не хлопнуться в обморок. Никогда за мной такого желания — я про обморок! — не водилось, а сейчас очень хотелось. Зачем, спросите вы?

ДАРЬЯ ВОЛКОВА

Так, обо всем по порядку.

Я пришла с работы в умеренно затраханном состоянии, которое смягчало только то, что сегодня пятница, и на выходных у меня нет — аллилуйя, в кои-то веки! — дежурства. Целых два дня выходных. Роскошь же? Роскошь! Но я по привычке стала шуршать по дому. А может, не по привычке, а чтобы уж сегодня всё переделать, а завтра — завтра, в субботу! — ничего не делать! Только спать, спать, спать... Потом валяться, валяться, валяться... Пока голод не припрёт. И только после этого встать и пойти в магазин. А то и совсем податься во все тяжкие — и заказать какую-нибудь доставку и вообще носа из дома не казать. Ради таких радужных перспектив стоило после трудового дня вечером в пятницу шуршать по дому, согласитесь? Вот я и шуршала. Загрузила стиральную машину форменной одеждой, перемыла посуду, пол тоже попался под горячую руку. Кефир предусмотрительно наблюдал за моей суетой с дивана, периодически неодобрительно потряхивая кисточками на ушах.

В общем, когда я, выгрузив в красный пластмассовый таз содержимое стиральной машины, состоящее преимущественно из моих рубашек, штанов и носков, вышла на балкон, дабы разве-

ПРИЕХАЛ МУЖ ИЗ КОМАНДИРОВКИ

силь белье — на улице догорал долгий июньский день.

И если бы только он! Прижавшись к стене дома, в лучах закатного солнца на моем балконе загорал какой-то нудист! Натурально нудист! Из одежды на парне были только смарт-часы и тату на груди. Самое ценное он прикрывал ладонями обеих рук и смотрел на меня совершенно ошалевшими глазами. А я — на него. И тут с низким утробным урчанием, от которого даже у меня волоски на руках дыбом встали, мимо моих ног протиснулся Кефир.

Ну, а дальше... Дальше я подумала про Гая Юлия. Потому что одной рукой я ловила таз с мокрым бельём, другой — тринадцатикилограммового мейн-куна, и при этом пыталась сохранить сознание, которое пока плохо справлялось с фактом наличия на нашем с сознанием и подсознанием балконе голого мужика и орало: «Маньяк! Насильник! Извращенец!»

Маньяк-насильник-извращенец при виде Кефира забился в угол балкона и явно из последних сил пытался мимикрировать — вмазался в стенку, практически вошел в нее, растворился и слился с облицовочной плиткой. Но рук при этом с паха не убирал, видимо, полагал, что Кефир в первую очередь вцепится именно туда.

ДАРЬЯ ВОЛКОВА

А я ничего не полагала, я бросила в другой угол балкона таз с бельём и попыталась уже двумя руками оттащить мейн-куна, который почуял соперника на своей территории.

Тишину нарушало только моё пыхтение, шипение Кефира и птички. Да-да, птички! Непонятно, какого чёрта на дереве рядом с домом вечером расчирикались пичуги? Наверное, они, в конце концов, и отвлекли внимание Кефира, и я сумела-таки вытолкать разъярённого кота за балконную дверь и закрыть ее.

Кефир тут же прыгнул в комнате на подоконник, уставился на меня ярко-желтыми глазами и осуждающе затряс кисточками на ушах. Ладно, с обиженным мейн-куном, который, по мнению моей маменьки, мне вместо мужа и только мужиков распугивает, я разберусь потом. У меня сейчас маньяк-насильник-извращенец на повестке дня первым пунктом!

Я толкнула ногой таз, выправляя его накренившееся положение, нервно заправила за ухо прядку волос и начала медленно оборачиваться. В душе я очень надеялась, что мне это всё... ну, просто показалось. На фоне трудового перенапряжения на работе. Или нюхнула нового стирального порошка с какими-то присадками, от которых любопытная побочка. Ну, или...

ПРИЕХАЛ МУЖ ИЗ КОМАНДИРОВКИ

этот... три-в-одном... мужичок смог окончательно раствориться в облицовочной настенной плитке. И вот я сейчас обернусь, а его там нет. Никого кроме меня нет на моем собственном балконе!

Я, затаив дыхание, обернулась. И шумно выдохнула. Голая и здоровенная — последнее я только сейчас заметила! — детина с моего балкона никуда не делась! Стоял, вжавшись в угол балкона, по-прежнему прикрывая свое добро ладонью с поблескивающими смарт-часами, и смотрел на меня.

Смотрел на меня знаете с каким выражением? Ну, вот из серии: «Чего стоим, кого ждем?» То есть как будто ждал, что я сейчас ему что-нибудь скажу. Как будто это я должна давать объяснения. Как будто это я оказалась нагишом на чужом балконе! Да со мной такое в принципе не могло произойти. А этот...

— Ты кто такой? — подбоченилась я.

— Поклонник.

— Чей?

— Твой.

Так. Либо меня держат за идиотку, либо он обкуренный.

— Если ты поклонник, то где цветы?

— Вот, — ткнул он себя в грудь.

ДАРЬЯ ВОЛКОВА

Татуировка на его груди состояла из каких-то замысловатых орнаментов, которые можно при определенной доле фантазии принять за цветы. А можно — за носорога.

— Я сирень люблю, — упорствовала я. — Где сирень, поклонник?

Он робко шагнул вперед, мотнул головой в сторону перил балкона и спросил неуверенно:

— Там?

Внизу, под балконом, у меня действительно росли пышные кусты сирени. Но это же совершенно не то!

Нашему диалогу о сирени помешали звуки с соседнего балкона. Там хлопнула балконная дверь и громкий мужской жизнерадостный голос из-за бетонной перегородки прокричал, обращаясь ко мне:

— Леська, здарова!

Мы замерли оба. Мой голопузый поклонник снова вжался в стену, побивая все свои предыдущие рекорды по части врастания в вертикальные поверхности.

С соседнего балкона потянуло табачным дымом, и из-за перегородки снова слышался мужской энергичный голос:

— Леська, иди здороваться, я же слышал, что ты здесь!

ПРИЕХАЛ МУЖ ИЗ КОМАНДИРОВКИ

Это Михаил, сосед. Мишка дальнобоит и часто отсутствует дома, чем без зазрения совести пользуется его жена. Так-так-так... Что-то смутно зашевелилось в моем контуженном внезапным появлением голого гостя мозгу. Но Миха не дал мне эту мысль додумать.

— Леська, иди ко мне, тьмокну! — Мишка навалился на перила, огромным плечом и бицепсом частично перетекая со своего балкона на мой.

А бицепс у Михи примерно такого же объема, как мое бедро. А то и два моих бедра, ибо мать-природа, а точнее, то ли мать, то ли природа бедрами меня обделили. Правда, маменька утверждает, что я за это должна сказать ей спасибо. А природа молчит.

Но, в общем, этот вот здоровенный бицепс теперь торчал с краю моего балкона. И на него с ужасом смотрел мой голопузый гость. Лицо его сейчас очень хорошо сливалось с бело-зеленой облицовочной плиткой. Чего так напугался Миху-то? Вроде и сам парень не мелкий, и мускулы, и плечи, и всё остальное присутствуют, насколько я могу судить. А я могу судить, потому как мне товар практически весь лицом представлен — за исключением некоторых незначительных и малоинтересных частей. В общем,

ДАРЬЯ ВОЛКОВА

гость мой незваный, он же поклонник без сирени, явно не хлюпик. Правда, у Мишани громадное просто всё — и ручищи, и плечи, и пузо. Вот пуза, кстати, у голопузика не водилось, вполне себе стройный парниша. Но и двадцатилетней школы жизни дальнобойщика у него за плечами явно не было.

Незнакомец еще раз метнул панический взгляд на Мишкины бицепсы, и тут у меня вдруг словно молния в голове сверкнула. И я поняла, как это чудо без перьев оказалось на моем балконе.

Ах ты, Юля-фигуля... Это я про Мишкину жену, если что.

— Ну, здорово, Мишка, коли не шутишь. — Я перегнулась через перила своего балкона, таким образом убрав из поля зрения незваного голыща, и увидела Мишку. Вроде как гостя собой прикрыла. — Ты чего же это — на сутки раньше прибыл, что ли?

— Ага. — Сосед с наслаждением затянулся сигаретой, выпустил струйку дыма. Дружески хлопнул меня по плечу, поумерив свой богатырский пыл, но вышло всё равно увесисто. — Гнал как сумасшедший. Юляшку свою напугал, дверь долго не открывала, поверить не могла, что это я. Спала уж. Ну, я ей, конечно, спать-то теперь

ПРИЕХАЛ МУЖ ИЗ КОМАНДИРОВКИ

не дам, — хохотнул Миха. — Почитай три недели дома не был. Соскучился по ласке женской. Сейчас перекурю — и на второй заход пойдем, — снова хохотнул Мишка.

— Михайло Александрович, курение плохо сочетается с кардионагрузками. — Я погрозила Михе пальцем.

— Не нуди, кудрявая! — отмахнулся Мишка. — Приходи завтра на чай, покалякаем. А то и по пивку дёрнем. А сегодня некогда, сама понимаешь, да и час уже поздний.

— Зайду, — пообещала я. — Покалякаем.

Последнее слово я произнесла со значением, сказала не только Михаилу, но и горе-любовнику, который сейчас дрожал за моей спиной.

* * *

Я вот даже и не знаю, чего в той ситуации, что сложилась в семейной жизни моих соседей, было больше: Мишкиной наивности или Юлькиной наглости. Но гуляла соседка Юля с размахом, даже особо и не скрывая свои похождения. «Кот из дому — мыши в пляс», — так, кажется, говорят про подобные ситуации. Видимо, рассчитывала, что никто про ее непотребное поведение Михе не расскажет.